

Анатолий Шигапов

САД Тень правды

Анатолий Шигапов
САД Тень правды
Серия «САД», книга 3

<https://litres.ru/74468752>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рай оказался клеткой. Наставник - палачом. А она сама - оружием.

Лира выросла в белом замке на скале, среди улыбок и лжи. Она научилась прятаться, чувствовать опасность, не доверять никому.

Но Лира знает больше, чем остальные. Она знает правду о системе. О подвале. О телах. О том, что за красотой белого замка скрывается фабрика смерти. И она знает, что должна выжить - не ради себя, а ради памяти тех, кто не смог.

Эта книга - о трансформации. О том, как невинная девочка становится воином. Как жертва становится охотником. Как пустота становится силой. Как из боли рождается решимость.

Лира идёт в САД. И она вернётся. Или умрёт, пытаясь.

Анатолий Шигапов

САД Тень правды

Предисловие от автора

Когда я начала писать эту книгу, я не знала, куда она меня приведёт. История Лиры пришла ко мне не как готовый сюжет - она пришла как голос. Тонкий, испуганный, но упрямый голос девочки, которая отказывалась замолчать даже тогда, когда весь мир кричал ей, что она - ошибка. Пустышка. Ничто.

Я слушала этот голос долго. Я записывала его слова по ночам, когда в комнате было тихо и можно было расслышать то, что прячется за шумом повседневности. Я пыталась понять, что значит быть ребёнком, у которого отняли детство. Что значит смотреть на мир и видеть не краски, а тени. Что значит идти вперёд, когда всё, что у тебя есть, - это пустота внутри и обещание, данное мёртвым.

Эта книга - не просто история о магии и САДе. Это история о том, как выживают, когда надежда умирает. О том, как становятся сильными, когда силы уже на исходе. О том, как находят себя, когда кажется, что тебя больше нет.

Я не хотела писать лёгкую историю. Я хотела написать правду. Тяжёлую, тёмную, иногда невыносимую. Потому что именно такой была жизнь Лиры. И потому что я верю: только сталкиваясь с тьмой, мы учимся видеть свет.

Три тома этой саги - это три шага: от потери к принятию, от страха к ярости, от ярости к решению. Первый том - «Первый вздох» - о том, что значит быть никем. Второй - «Медовый месяц» - о том, как иллюзия рая оказывается самой жестокой клеткой. Третий - «Тень правды» - о том, как, узнав правду, можно либо сломаться, либо стать сильнее.

Лири не идеальна. Она совершает ошибки. Она боится. Она сомневается. Она делает выборы, которые не всегда правильны. Но она идёт. Она не останавливается. И в этом, я считаю, её главная сила.

Я благодарна каждому, кто откроет эту книгу. Кто согласится пройти этот путь вместе с Лирой. Кто не отвернётся от тьмы, а посмотрит ей в глаза. Потому что именно так мы учимся быть живыми.

И помните: даже в самой глубокой пустоте есть место для света. Иногда нужно просто закрыть глаза, сделать шаг и поверить, что он приведёт тебя домой.

Анатолий Шигапов

ГЛАВА 1. Тень правды

Год.

Целый год прошёл с того дня, как Лира впервые переступила порог Академии. Год белых стен, отражавших солнечный свет так ярко, что глазам было больно смотреть. Год коридоров, где каждый шаг отдавался эхом, словно предупреждением. Год улыбок - одинаковых, механических, отточен-

ных до совершенства, как у кукол в театре теней. Год тёплых слов, лившихся рекой, но никогда не касавшихся души. Год, когда она почти поверила - почти позволила себе надеяться, что боль осталась позади, что её наконец нашли, что это и есть то самое место, где заживают раны. Год, который должен был исцелить её. Год, который должен был заполнить ту зияющую пустоту внутри - ту, что осталась после того, как мать закрыла глаза навсегда. Год, научивший её одной простой, жестокой, невыносимой истине: здесь не спасают. Здесь ждут. Ждут, пока ты станешь достаточно сильным, чтобы умереть.

Год назад она стояла на этом же месте - дрожащая, голодная, с глазами, полными слёз и надежды. Тогда белизна стен казалась ей сиянием, а свет - обещанием. Тогда она верила, что всё, что случилось до этого момента, было просто плохим сном, что она наконец-то проснулась. Помнит, как вошла в эту комнату в первый раз - босая, в рваной одежде, с грязными руками, которые не знала, куда деть. Помнит, как села на край кровати и боялась дышать - боялась, что это сон, что сейчас проснётся и снова окажется на улице, замёрзшая и голодная. Помнит, как плакала от счастья, когда служанка принесла завтрак - тёплый хлеб с маслом и чай с мёдом. Помнит, как ела жадно, как зверёк, боящийся, что еду отнимут. Помнит, как улыбалась - впервые за много месяцев. Тогда она думала, что спасена.

Теперь правда открылась. Теперь улыбка не появляется на

лице. Забыла, как это - когда губы сами собой растягиваются, когда в груди разливается тепло, когда мир кажется добрым и справедливым. Осталась только одна улыбка в памяти - материнская, та последняя, когда мать смотрела сквозь слёзы и шептала: «Живи, доченька. Живи ради меня». Она жила. Выжила. Но улыбка умерла вместе с матерью.

Лира стоит у окна в своей комнате. Море внизу - такое же, как в первый день: бесконечное, сияющее, переливающееся всеми оттенками синего и бирюзового. Волны накатывают на скалы с мерным ритмом, словно сердцебиение самой земли. Чайки кружат над водой, их крики звонкие и чистые, как тогда, когда она впервые открыла глаза в этом месте и подумала, что слышит голоса ангелов. Солнце льётся сквозь стекло - золотое, тёплое, - его лучи касаются лица, гладят щёки, играют в волосах, но не согревают. Тепла больше нет. Есть только холод, пустивший корни в груди, разросшийся по венам, заполнивший каждую клетку. Он стал частью её - как дыхание, как кровь, как сама жизнь.

В стекле - отражение: бледное лицо, серьёзные глаза, тени под ними глубже, чем раньше. Она не узнаёт себя. Память хранит другую девочку - ту, что плакала от счастья, получив тёплый хлеб с маслом. Ту, что верила в рай. Ту, что думала, будто боль закончилась. Та девочка умерла. Её похоронили где-то между первым завтраком и первой ночью, когда она слышала шаги в коридоре и поняла: здесь не все просыпаются утром. Где-то между тем, как впервые увидела под-

вал, и тем, как поняла: белые стены - не защита, а клетка. Где-то между найденными в архиве записями и прочитанной правдой о том, что такое Экзамен на самом деле. Та девочка умерла, и Лира не оплакивает её. Просто смотрит на своё отражение и видит чужое лицо.

Взгляд на руки - маленькие, тонкие пальцы стали ещё тоньше за этот год. Кости просвечивают сквозь кожу, как ветки сквозь туман. Бледная кожа почти прозрачна на свету, будто сделана из воска. Кулаки сжимаются, и внутри отзывается дар - тёплый, живой, голодный. Он ждёт. Он готов. Он хочет выйти наружу, показать себя, использовать свою силу. Каждый раз, когда пальцы сжимаются, она чувствует его - как электричество, как огонь, как что-то первобытное, живущее в крови. Он течёт по венам, питает мышцы, наполняет энергией. Могла бы использовать его сейчас. Выбежать в коридор, уничтожить их всех - учителей, служанок, стражников. Обратить их в прах одним прикосновением. Но сдерживает себя. Ждёт. Знает: сейчас не время. Надо быть сильнее. Умнее. Дождаться идеального момента.

Улыбаться она разучилась. Научилась смотреть на мир без иллюзий. Видеть сквозь белые стены - трещины, которых никто не замечает, пятна крови, тщательно отмываемые каждую ночь. Сквозь золотой свет - тьму, прячущуюся за ним, тени, танцующие в углах. Сквозь ничего не значащие улыбки - страх, скрывающийся за ними, пустоту, глядящую из глаз. Научилась ждать. Ждать, когда станет сильной. Ко-

гда сможет уйти. Когда сможет выжить. И в этом ожидании - вся жизнь, всё существо, вся воля, сжатая в кулак, как последний шанс.

Взгляд снова скользит к морю - к бескрайней синеве, уходящей за горизонт. Где-то там, за линией воды, есть другой мир. Мир, где дети не умирают в подвалах. Где матери не закрывают глаза навсегда. Где можно просто жить - дышать, смеяться, чувствовать тепло. Существует ли он на самом деле - неизвестно. Но она будет искать его. Даже если это будет стоить жизни. Потому что здесь, в этом белом раю, жизни у неё всё равно нет. Есть только существование - пустое, холодное, бессмысленное. А она не хочет существовать. Она хочет жить.

Ей восемь лет. В Академии живёт уже год. За этот год стала старше на целую жизнь. Видела, как дети исчезают. Как их забирают на «проверку». Как их имена перестают произносить на утренних собраниях. Научилась не запоминать лица - потому что запоминать слишком больно. Не задавать вопросов - потому что ответы всегда оказываются хуже ожиданий. Не чувствовать - потому что чувствовать слишком больно. Научилась быть пустой. Пустой внутри, как эти белые стены. Пустой снаружи, как эти механические улыбки. Пустой везде, где можно спрятать ту маленькую девочку, которая когда-то верила в чудо.

Утро начинается одинаково. Каждое - точная копия предыдущего, будто время застыло, будто мир остановил-

ся, будто она заперта в бесконечном цикле без выхода. Три тихих удара в дверь - вежливых, аккуратных, как в первый день. Ни больше, ни меньше. Ровно три. Считала их каждый день: три удара, три секунды паузы, три шага служанки через порог. Всё рассчитано, выверено, подчинено ритуалу, не терпящему нарушений.

Служанка входит с серебряным подносом - свет лампы отражается от полированной поверхности, на мгновение ослепляя. Улыбается. Та же улыбка, что и в первый день. Белые зубы - идеально ровные, будто выточенные из слоновой кости. Светлые глаза - пустые, ничего не выражающие, как у рыбы на прилавке. Одежда - накрахмаленная до хруста, при каждом движении шуршит, как сухие листья. Волосы заплетены в тугие косы, лежащие на плечах, как две одинаковые реки: ни одной выбившейся пряди, ни одного волоска не на месте. Поднос ставится на столик, салфетка поправляется - всё аккуратно, всё идеально, - и звучит пожелание доброго утра. Голос звенит, как колокольчик, но в этом звоне нет музыки. Только металл.

«Доброе утро, госпожа». Голос служанки звучит так же, как вчера, и позавчера, и год назад. «Надеюсь, вы хорошо спали. Сегодня прекрасный день. Солнце светит так ярко. Наставница Грейс сказала, что после завтрака вас ждёт прогулка в сад. Погода такая тёплая, такая чудесная. Вы должны обязательно выйти на воздух - вы знаете, как полезен свежий воздух для растущего организма. А в саду сейчас распусти-

лись розы - такие красные, такие ароматные. Вы обязательно должны их увидеть».

Лира смотрит на её руки. Тонкие, бледные, с аккуратными ногтями, блестящими, как перламутр. Помнит эти руки. Видела, как они выносили тела из подвала - складывали на носилки, накрывали белой тканью, несли к выходу. Видела, как они касались серой кожи мёртвых детей. Видела, как эти же руки мыли полы, оттирая въевшуюся в камень кровь. Видела, как они складывали тела друг на друга - три, четыре, пять слоёв, чтобы сэкономить место. Знает: эти руки касались лица мальчика, улыбнувшегося ей вчера, и они же накрыли его лицо тканью сегодня утром. Знает: служанка улыбается, потому что ей приказано. Потому что если перестанет улыбаться - её тоже унесут. Знает: за улыбкой - страх. Такой же, как у неё самой. Как у всех, кто живёт в этом белом раю. Страх, ставший привычным, как дыхание. Страх, не уходящий даже во сне. Страх, просыпающийся вместе с тобой каждое утро.

Взгляд на завтрак. Тёплый хлеб с хрустящей корочкой, лопающейся от нажатия пальца. Масло в серебряной маслёнке - золотистое, нежное, начинает таять, растекаясь по поверхности, как жидкое золото. Чай с мёдом - пар поднимается над чашкой, тонкий, ароматный, смешивается с запахом хлеба, создавая тот самый запах, что когда-то казался запахом дома. Та же еда, что и в первый день. Тогда она плакала от счастья. Тогда думала, что попала в рай. Благодарила судьбу за

то, что жива, что здесь, что может чувствовать вкус горячего хлеба, вдыхать этот запах и верить: всё будет хорошо. Помнит тот день: руки дрожали, когда брала хлеб; боялась, что это сон, что проснётся и снова окажется на улице - голодная, замёрзшая. Помнит, как ела жадно, как зверёк, боящийся, что еду отнимут. Помнит, как смотрела на служанку и видела в ней ангела.

Теперь она знает: это просто корм. Топливо для системы. Еда, поддерживающая силы, чтобы она могла стать достаточно сильной, чтобы умереть. Масло - жир, согревающий тело, пока оно не станет нужным. Мёд - сахар, питающий мозг, пока она не достигнет нужного уровня. Хлеб - просто мука, вода и соль, смешанные в правильной пропорции, чтобы она не умерла от голода раньше времени. Взгляд на хлеб - голода нет. Есть только холод. С каждым днём, с каждым часом, с каждой минутой он становится глубже. Проникает в самую душу, вымораживает всё, что там было. Превращает её в статую, в кусок льда, в ничто.

Она не ест. Смотрит в окно на море - и думает о том, что где-то там, за горизонтом, есть дети, которые едят хлеб, потому что хотят есть. Которые пьют чай, потому что хотят пить. Которые смеются, потому что им весело. Она не помнит, каково это - хотеть. Не помнит, каково это - чувствовать радость. Помнит только боль. И холод. И ожидание.

Лира отворачивается от окна. Комната встречает белизной - стены, потолок, покрывало, занавески, даже мебель.

Всё здесь белое. Стерильное. Мёртвое. Никаких ярких пятен, никаких следов жизни. Это комната для тех, кто должен исчезнуть. Для тех, кто не должен оставлять следов. Живёт здесь уже год, но это место так и не стало домом. Оно так и осталось клеткой - красивой, светлой, но клеткой.

Тишина становится всё глубже. Только собственное дыхание. Только стук сердца. Только далёкий шум моря за окном. Тишина, которая давит, заполняет всё пространство, не даёт забыть: она здесь - в этом белом раю, который на самом деле является адом. Иногда, когда тишина особенно густая, кажется, что слышны голоса. Тех, кто исчез. Тех, кто был до неё. Они шепчут что-то - тихо, почти беззвучно, - но смысла разобрать нельзя. Может быть, предупреждают. Может быть, зовут. Может быть, просто напоминают: она следующая.

Стук в дверь разрывает тишину. Три удара - этот ритм стал частью дня, жизни, клетки. Служанка входит с подносом, и свет лампы отражается от серебряной поверхности, на мгновение ослепляя. Всё повторяется. Снова улыбка. Снова пожелание доброго утра. Снова идеальная, накрахмаленная одежда. Снова пустые глаза, смотрящие сквозь неё. Лира смотрит на эту женщину - ту, что каждое утро приносит хлеб и масло, ту, что улыбается, даже когда выносит тела из подвала, - и пытается представить, что чувствует эта женщина. Страх? Боль? Или она тоже научилась не чувствовать? Может быть, она тоже пустая внутри. Может быть, она тоже просто ждёт, когда её время придёт.

Руки служанки - тонкие, бледные, с аккуратными ногтями, блестящими, как перламутр. Эти руки каждое утро ставят перед ней поднос. Эти руки прикасались к лицу мальчика, улыбнувшегося ей вчера, и они же накрыли его лицо тканью сегодня утром. Руки, которые улыбаются, пока их хозяйка внутри умирает от страха. Руки, которые выносят тела - складывают их на носилки, накрывают белой тканью, несут к выходу. Руки, которые касаются серой кожи мёртвых детей, а потом моют полы, оттирая въевшуюся в камень кровь. Руки, которые складывают тела друг на друга - три, четыре, пять слоёв, чтобы сэкономить место. И эти же руки каждое утро протягивают ей хлеб - тёплый, мягкий, пахнущий домом. Лира смотрит на эти руки и видит в них себя. Свою судьбу. Своё будущее. Она тоже станет такой - пустой, механической, делающей то, что приказано. Или умрёт. Третьего не дано.

Служанка продолжает говорить. Голос льётся ровно, как вода, как масло, как что-то скользкое и безжизненное. Говорит о погоде, о розах саду, о том, как полезен свежий воздух. О Наставнице Грейс, которая ждёт Лиру после завтрака. Говорит так, будто всё это имеет значение. Будто завтрашний день существует. Будто у них есть будущее. Лира слушает этот голос и знает - это ложь. Всё это ложь. И розы в саду, и свежий воздух, и обещания Наставницы Грейс. Всё это часть спектакля, в котором дети - просто марионетки. А она - одна из них.

Служанка уходит. Дверь закрывается с тихим щелчком. И снова тишина - такая густая, что её можно резать ножом. Лира остаётся одна в этой белой комнате, с этим серебряным подносом, с этим тёплым хлебом, который она не будет есть. Смотрит на море и ждёт. Всегда ждёт. Не знает, чего именно. Просто ждёт. Когда придёт её время.

Из западного крыла выходят учителя, выносят носилки. Двое мужчин в белых мантиях - лица спокойны, безразличны, будто делают обычную работу, будто выносят мусор, а не тело ребёнка. Шаги размеренны, дыхание ровно, глаза пусты. Ни взгляда на ношу, ни взгляда друг на друга. Просто движение - один впереди, другой сзади, - и белая ткань, накрывающая носилки, колыхнется в такт шагам. Ткань пропитана кровью: тёмные, влажные пятна расползаются по материи, как чернила, как болезнь, как память, которую нельзя стереть. С каждым шагом пятна становятся больше - пульсируют, дышат, живут своей жизнью, впитываясь в ткань, растекаясь по ней, как вода по бумаге. Солнце освещает их, делая почти красивыми - багровыми, алыми, пурпурными, - как цветы, как закат, как то, на что можно смотреть бесконечно, если забыть, что там, под тканью, - человек.

Лира знает, кто под ней. Видела его вчера - мальчика с рыжими волосами, отливавшими медью на свету, как монеты, как осенние листья. Тео. Имени его она не знала до вчерашнего дня. Не спрашивала. Никогда не спрашивает - ответы всегда оказываются хуже ожиданий, и вопросов она дав-

но не задаёт. Но лицо запомнила: веснушки на носу, зелёные глаза, смотревшие на неё с любопытством, будто она была чем-то интересным, будто в ней ещё можно было найти что-то живое. На уроке звездочёта он сидел за соседней партой и рисовал звёзды в тетради - так красиво, так живо, что она засмотрелась невольно, забыв, где находится. А когда проходила мимо, он улыбнулся - настоящей улыбкой, идущей от сердца, а не от приказа. Протянул яблоко - красное, блестящее, будто натёртое воском. Сказал: «Держи. Оно сладкое. Я сорвал его в саду». Яблоко осталось нетронутым. Она не могла съесть его. Смотрела на него и думала: может, если съест, он исчезнет? Может, если примет его дар, он станет частью неё, и тогда она запомнит его навсегда, не даст ему уйти бесследно? Но не съела. Спрятала на столе. Теперь оно лежит там - засохшее, сморщенное, как память о том, что он был. Как свидетельство существования. Как напоминание об уходе.

Носилки исчезают за поворотом, и Лира знает - их путь лежит в подвал. К другим телам. К тем, кого видела той ночью, когда проснулся её дар. К тем, чьи жизни забрала, даже не поняв этого. К тем, кто ждёт, когда их имена прочитают на вечерних свечах. Та ночь врезалась в память: коридор, голоса, странное тепло, разлившееся по пальцам, когда коснулась стены. А потом - тела. Три тела. Три ребёнка, которых никогда не знала. Три жизни, оборванные ею, даже без осознания, без намерения, без понимания того, что происходит.

Помнит, как плакала потом. Как молила бога о прощении. Как поняла, что бога нет - потому что, если бы он был, он не позволил бы ребёнку убивать детей. Не позволил бы ей стать такой.

Слёз нет. Давно уже нет. Научилась не плакать - слёзы ничего не меняют, никто не придёт утешить, а утешение само по себе ложь, которую здесь продают, как и всё остальное. Говорят: «Всё будет хорошо», - улыбаются, и ты веришь, потому что нужно во что-то верить, потому что без веры не выжить. А потом видишь, как выносят тело, и понимаешь: «хорошо» - просто слово. Пустое. Бессмысленное. Используемое, чтобы заставить тебя замолчать.

Носилки уже почти скрылись за углом, ткань колышется на ветру, пятна крови расползаются, и солнце делает их почти красивыми - багровыми, алыми, как цветы, как утренний закат, как последнее, что видят мёртвые. Лира смотрит на это и не чувствует ничего. Только холод. Только пустоту. Только знание: это - её будущее. Когда-нибудь она тоже будет лежать под белой тканью, и кто-то будет смотреть на неё из окна, и тоже ничего не почувствует. Мысль эта не пугает. Она просто есть. Стала частью существа, как руки, как ноги, как дыхание. Смотрит на исчезающие носилки, и внутри шевелится вопрос: «Может быть, это даже лучше - быть мёртвой, чем жить здесь?» Но слишком долго думать об этом не позволяет себе. Если позволит - сдастся. А сдаваться нельзя. Надо выжить. Надо уйти. Надо доказать им, что они не

сломали её, что она не такая, как все, что она не просто тело под белой тканью.

Всё, что она знала - Кай, Лена, Мира, - уже лежит там, в темноте. Все, кто был ей дорог, ушли. Каждый из них был живым - тёплым, смеющимся, улыбающимся. А теперь они просто тела в подвале. Серые, холодные, мёртвые. Помнит их лица. Их голоса. Их обещания, что всё будет хорошо. Они тоже верили. Они тоже надеялись. И они тоже умерли. Лира смотрит в пустой коридор, где только что исчезли носилки, и знает: она не будет такой, как они. Не будет ждать, пока её заберут. Будет бороться. Будет жить. Сделает всё, чтобы выжить, и когда выживет - вернётся. Вернётся и уничтожит это место. Вернётся и освободит всех, кто остался. Клянётся себе в этом. Каждое утро, когда открывает глаза. Каждую ночь, когда не может уснуть. Клянётся себе, что не позволит им победить.

Из коридора доносится шёпот учителей, когда они проходят мимо её комнаты. Голоса тихие, вкрадчивые, как вода, текущая по камням - мягко, неумолимо, бесконечно. Думают, что она не слышит. Что спит. Что она - просто ещё один ребёнок, которого можно использовать. Но она не спит. Никогда не спит. Научилась не спать - сны приносят только боль. Сидит у двери, прижимая ухо к холодному дереву, и слушает. Каждое слово, каждый вздох, каждый шёпот. Запоминает их. Собирает, как осколки стекла, которые могут стать оружием.

«Пушечное мясо...» - шёпот. Голос низкий, хриплый, будто у курильщика, не выпускающего трубку с утра до вечера. Лира представляет его лицо: морщинистое, с глубокими складками вокруг рта, с глазами, смотрящими сквозь тебя. Знает: он говорит о них. О детях. О ней. «Созрел...» - другой голос, и в нём - предвкушение, будто речь о чём-то хорошем, вкусном, о том, чего ждали долгие годы. Это слово режет сердце, как нож. Созрел. Как плод. Как урожай. Будто она - просто растение, которое должны собрать, когда оно достигнет нужной зрелости. Внутри поднимается гнев - тёплый, живой, пульсирующий. Хочется выбежать в коридор, закричать им в лицо: «Я не ваш урожай! Я не ваше мясо! Я человек!» Но она молчит. Научилась молчать. Знает: гнев - роскошь. Чувство, которое может позволить себе только тот, кто не боится умереть. А она боится. Боится умереть - потому что если умрёт, никто не узнает правды. Никто не расскажет, что происходит здесь. Никто не остановит это.

«Ещё не готов...» - третий голос, спокойный, рассудительный, как у врача, ставящего диагноз. В нём - профессиональная отстранённость, будто речь о пациенте, будто изучают симптомы. Ещё не готов. Что это значит? Недостаточно сильна? Недостаточно контролирует дар? Недостаточно сломана? Лира не знает. Знает только одно: её время ещё не пришло. Надо ждать. Терпеть. Становиться сильнее, пока они не решат, что она готова.

Знает, что такое «дар». Что такое ритуал Перезарядки.

Что такое Экзамен. Узнала это ночью, когда подслушивала разговор Маркуса с кем-то, кого не могла видеть. Помнит тот разговор: сидела в шкафу, прижав колени к груди, слушала, как сердце колотится так громко, что боялась - услышат. Помнит слова - странные, непонятные, страшные. «Дар - это энергия», - говорил Маркус. «Ритуал - способ передачи энергии от одного к другому». «Экзамен - проверка на прочность». Тогда не понимала. Теперь понимает. Дар - не благословение. Это проклятие. Бомба, заложенная внутри неё. Ритуал - не исцеление. Это убийство. Экзамен - не проверка знаний. Это смерть. Узнала, когда нашла в архиве старые записи, которые он забыл спрятать. Читала их ночью при свете луны, и с каждой страницей мир рушился. Читала о том, как детей собирают, кормят, тренируют, готовят к тому, чтобы они отдали свою силу - свою жизнь - кому-то другому. Читала о том, как тела сжигают, чтобы никто не узнал. Читала о том, как учителя получают награды за каждого «созревшего» ребёнка. Узнала правду. И правда была хуже, чем она могла представить.

Знает: её дар - проклятие. Может убивать прикосновением. Аномалия, которую нужно изучать, контролировать, использовать. Видела, как они смотрят на неё - с любопытством, жадностью, предвкушением. Как записывают показатели, измеряют силу, ждут, когда она достигнет пика. Знает: она - оружие, которое можно направить против врагов или уничтожить, если оно станет опасным. Знает: у неё нет вы-

бора. Она пешка в их игре. Но даже у пешки есть воля. И она будет бороться.

Никому она не говорит об этом. Даже Маркусу. Особенно Маркусу. Он сказал: «Никому не доверяй. Даже мне». Запомнила эти слова. Научилась им следовать. Молчит. Просто слушает, наблюдает, ждёт. Знает: каждое произнесённое слово может быть использовано против неё. Каждый взгляд, эмоция, движение - всё записывается, анализируется, становится частью досье. Надо быть идеальной. Послушной. Удобной. Притворяться, что не знаешь. Притворяться, что веришь. Притворяться, что счастлива. Притворяется так хорошо, что иногда сама почти верит. Но потом слышит шаги в коридоре - и иллюзия рушится. И вспоминает, кто она на самом деле.

Всё, что слышит, всё, что видит, всё, что чувствует - запоминает. Каждое слово учителей, каждый шёпот, каждый взгляд. Складывает их в памяти, как камни в стену. Стену, которая защитит. Стену, которая поможет выжить. Знает, что когда-нибудь эти знания пригодятся. Когда-нибудь сможет использовать их против них. И ждёт этого дня. Ждёт с нетерпением, с холодной яростью, с твёрдой решимостью. Не будет вечной жертвой. Не будет просто ещё одним телом под белой тканью. Будет той, кто выживет. Кто победит. Кто разрушит их белый рай до основания.

Взгляд на руки. Маленькие, детские пальцы за этот год стали тоньше - кости просвечивают сквозь кожу, как ветки

сквозь туман. Бледная кожа почти просвечивает на свету, будто она из воска. Кулаки сжимаются, и внутри отзывается дар - тёплый, живой, голодный. Ждёт. Хочет выйти наружу, показать себя, использовать силу. Каждый раз, когда пальцы сжимаются, чувствует его - как электричество, как огонь, как что-то первобытное, живущее в крови. Течёт по венам, питает мышцы, наполняет энергией. Могла бы использовать его сейчас. Выбежать в коридор, уничтожить их всех - учителей, служанок, стражников. Обратит их в прах одним прикосновением. Но сдерживает себя. Ждёт. Знает: сейчас не время. Надо быть сильнее. Умнее. Дождаться идеального момента.

Не боится его. Научилась не бояться себя. Это было самое трудное - принять то, что есть, даже если это делает чудовищем. Помнит ту ночь, когда впервые осознала свою силу: смотрела на руки и видела на них кровь. Помнит, как ненавидела себя. Как хотела умереть. Как думала, что она - проклятие, ошибка, та, кто не должна была родиться. Но потом поняла: если умрёт - они победят. Если умрёт - они продолжат делать то же самое с другими детьми. Если умрёт - никто не узнает правды. И решила жить. Принять свою силу. Использовать её. Стать оружием - не для них, а для себя. Для тех, кто остался. Для тех, кто ещё может быть спасён.

Знает: её дар - единственное, что может спасти её. Помочь выжить. Дать шанс вырваться из клетки. Без него она была бы просто ещё одним телом под белой тканью. С ним она - нечто большее. Угроза. Надежда. Будущее. Взгляд на руки -

и в них не проклятие, а возможность. Ключ к свободе. Билет в новый мир, где сможет жить, а не просто существовать.

Взгляд на руки - и шёпот. Голос тихий, но твёрдый, как сталь, как клятва, как обещание, данное самой себе в ту ночь, когда умерла мать. Повторяет эти слова каждый день, каждую ночь, каждый раз, когда чувствует, что сдаётся. Повторяет, чтобы помнить: ради чего живёт. Ради чего борется. Ради чего готова умереть.

«Я выживу, - говорит она, и голос звучит не как голос восьмилетней девочки, а как голос воина, прошедшего через ад и вышедшего живым. - Я сделаю это. Ради них. Ради всех, кого потеряла. Ради отца - помню, как он держал меня на руках, смеялся, обещал, что мы всегда будем вместе. Ради матери - помню, как она смотрела на меня перед тем, как закрыть глаза, как сказала мне жить, как передала всю свою силу, любовь, надежду. Ради Михеля - он был моим братом, защищал меня, отдал свою жизнь, чтобы я могла сбежать. Ради Миры - она была моей сестрой, такой маленькой, беззащитной, умерла у меня на руках, а я ничего не могла сделать. Ради всех, кого потеряла. Ради всех, кого ещё могу спасти. Я сделаю это. Выживу. Не позволю им сломать меня. Не позволю им использовать меня. Стану сильной. Стану свободной. Сделаю это. Клянусь своей жизнью. Клянусь своей душой. Клянусь всем, что у меня есть».

Глаза поднимаются к белому замку, к свету, к лжи, называемой раем. Взгляд острый, как лезвие. Губы сжаты в тон-

кую линию. Руки сжаты в кулаки. Она больше не верит. Знает правду. И она готова. Готова к тому, что будет. К борьбе. К смерти, если потребуется. Ко всему - потому что потеряла уже всё. У неё ничего не осталось, что можно было бы потерять. И в этом - её сила. Её свобода. Её победа.

Лира стоит у окна, смотрит на море. Солнце садится за горизонт, окрашивая воду в золото и багрянец. Чайки кружат над водой, их крики стихают с наступлением вечера. Смотрит на закат и думает: завтра будет новый день. Новый день - новые испытания. Но она не боится. Готова. Знает: выживет. Сделает это. Станет свободной. И когда вырвется из клетки, увидит настоящее небо, вдохнёт настоящий воздух - она вернётся. Вернётся, чтобы уничтожить это место. Освободить тех, кто остался. Отомстить за каждого ребёнка, умершего здесь. Сжечь этот белый рай дотла. И тогда - только тогда - сможет улыбнуться. В первый раз за долгий год. По-настоящему, от всего сердца, не боясь, что улыбка будет последней. Улыбнуться, потому что сделала это. Потому что выжила. Потому что победила.

В груди, там, где когда-то билась надежда, теперь пульсирует только холодная решимость. Всё, что чувствовала, всё, что помнила, всё, что теряла - всё это стало частью неё. Частью силы. Частью воли. Не позволит им стереть её. Не позволит им сделать её ещё одной жертвой. Будет бороться до последнего дыхания. И когда всё закончится, когда выйдет из этого ада, будет помнить каждого, кого потеряла. Каждое

лицо, каждое имя, каждый голос. Будет помнить их всегда. И они будут жить в ней. В её сердце. В её борьбе. В её победе.

Ночь опускается на белый замок, окутывая его тьмой. Но Лира не боится темноты. Уже стала частью неё. Научилась жить в ней. Научилась использовать её. И когда наступит рассвет, она будет готова. Готова ко всему, что принесёт новый день. Будет готова к жизни - или к смерти. Но не будет жертвой. Будет той, кто выбирает. Той, кто борется. Той, кто выживает. Она - Лира. И она готова.

ГЛАВА 2: Секретная сила

Поначалу Лира не придаёт этому значения.

Маленькие странности, которые легко списать на усталость. Игра воображения, плод больного сознания, привыкшего видеть угрозу там, где её нет. Она убеждает себя: просто стала лучше чувствовать людей. Интуиция обострилась - закономерная плата за выживание. Способность читать чужие намерения по движению бровей, по напряжению плеч, по тому, как человек дышит. К этому она привыкла. Научилась. Это помогало - не раз спасало от лишних вопросов, от опасных взглядов, от рук, которые могли схватить. Но потом приходит понимание, холодное и неумолимое: это не интуиция. Это дар. Он растёт. Меняется. Становится сильнее, чем можно было представить. Сильнее, чем хотелось бы. Сильнее, чем можно контролировать.

Раньше магия чувствовалась только через прикосновение.

Кожа к коже. Только когда её пальцы касались чужой кожи. Только когда она брала что-то, что принадлежало другому - книгу, которую он держал в руках, камень, который носил на шее, чашку, из которой он пил. Тогда ощущение приходило как слабая вибрация, как тепло, проникающее в подушечки пальцев и разливающееся по телу, как вода, впитывающаяся в сухую, потрескавшуюся землю после долгой засухи. Почти незаметно. Как шёпот, который можно услышать, только если прислушаться. Как запах, который чувствуешь, только если принюхаться. Как свет, который видишь, только если смотреть прямо на него. Можно было игнорировать это. Притворяться, что ничего не происходит. Жить с этим, как живут с фантомной болью в давно ампутированной конечности. Но теперь всё иначе. Теперь магия чувствуется на расстоянии.

Первый раз это случается в коридоре. Обычный день, обычный путь в класс. Учитель в белой мантии проходит мимо - высокий, худой, с бледным лицом и тёмными глазами, смотрящими сквозь неё, будто она не человек, а просто ещё один предмет мебели, ещё одна белая стена, ещё одна деталь декора, не заслуживающая внимания. Не смотрит на неё. Не замедляет шаг. Просто проходит мимо, как проходит каждый день. Но в этот раз что-то меняется.

Тёплая волна касается кожи - внезапно, без предупреждения. Как дыхание. Как прикосновение невидимой руки, будто кто-то провёл пальцами по щеке, по шее, по плечу. Ли-

ра останавливается, замирает на мгновение, пытаюсь понять, что это было. Сердце начинает биться быстрее, и в груди разрастается странное, почти болезненное чувство узнавания. Осознание приходит не сразу, но когда оно приходит - она чувствует его магию. Чувствует внутри себя. Как чужой пульс, бьющийся в такт её собственному сердцу. Два ритма, два голоса, два дыхания, сливающихся в одно.

Она знает, сколько в нём силы. Чувствует, как чувствуют тяжесть камня в руке, как чувствуют боль, когда сжимают кулак слишком сильно, как чувствуют холод, когда касаются льда. Знает, где эта сила находится - будто видит её сквозь стены, сквозь одежду, сквозь кожу. Внутри учителя, под рёбрами, там, где бьётся сердце, пульсирует что-то тёплое и живое. Чувствует его пульс, его ритм, его голод. Как чувствуют запах дыма, даже когда не видят огня. Как чувствуют приближение грозы по ломоте в костях. Как чувствуют чужой взгляд на затылке, даже когда не оборачиваются.

Страх приходит следом. Сердце колотится где-то в горле, и в ушах шумит кровь. Она не понимает, что происходит. Не знает, почему дар изменился. Что это значит - что он становится сильнее, растёт, выходит из-под контроля. Что это может привести к тому, что она станет опасной не только для других, но и для себя. Внутри просыпается что-то - большое, тёмное, неконтролируемое. Оно тянется к магии учителя, хочет схватить её, поглотить, сделать своей частью, утолить тот голод, который она так долго игнорировала. Оно

шевелится под кожей, как змея, как что-то живое и древнее, что спало слишком долго и теперь просыпается.

Кулаки сжимаются так сильно, что ногти впиваются в ладони, оставляя красные полумесяцы. Боль отрезвляет, возвращает в реальность. Она приказывает себе остановиться. Дышит глубоко, медленно, как учила мать: «Когда тебе страшно, дыши. Просто дыши. Воздух всегда с тобой. Он никогда не предаст тебя». Мать говорила это в доме у реки, когда гремела гроза и Лира боялась заснуть. Мать говорила это, когда они прятались от чужих людей, прижимаясь друг к другу в темноте. Мать говорила это в последний раз, перед тем как закрыть глаза навсегда. И она дышит. Вдох - и внутри что-то успокаивается. Выдох - и волна отступает. Дар затихает, снова прячется глубоко внутри, будто его никогда и не было. Глаза открываются - учитель уже ушёл. Он не заметил ничего. Даже не обернулся.

Но она знает. Чувствует. И это чувство не уходит. Остаётся с ней - как тень, как память, как обещание того, что будет.

Никому она не говорит об этом. Ни слова, ни намёка, ни взгляда, который мог бы выдать. Прячет свой дар, как прячут запретную вещь, как прячут тайну, которая может убить. Старается не думать о нём, не замечать его, не чувствовать чужие магические потоки, которые теперь бьются вокруг неё, как невидимые сердца. Но он не исчезает. Растёт. С каждым днём становится сильнее, осязаемее, реальнее. Чувствует магию детей, проходящих мимо в коридоре -

их сила слабая, едва заметная, как свет далёкой звезды, как дыхание спящего младенца. Чувствует магию учителей, говорящих с ней на уроках - их сила густая, тёплая, как кровь, как жидкое золото, текущее по венам. Чувствует магию слуганок, убирающих комнату - их сила тонкая, почти прозрачная, как паутина, как утренняя дымка над водой.

Чувствует их всех - как живое дыхание, как пульс, бьющийся вокруг неё, как море, дышащее в такт её сердцу. Это похоже на то, как если бы она вдруг научилась слышать музыку, которую раньше не замечала. Тысячи голосов, тысяч инструментов, тысяч ритмов, переплетающихся в единую, невообразимую симфонию. И в этой симфонии её собственный голос - самый тихий, самый слабый, самый потерянный. Чувствует их, даже когда не хочет. Даже когда закрывает глаза, пытаюсь отгородиться от этого шума. Даже когда пытается забыть о том, кто она.

Страх, что кто-то заметит, что учителя почувствуют её дар, когда будут проходить мимо, что они увидят, что она изменилась, - этот страх живёт в ней каждый день. Она старается быть пустой. Не чувствовать. Не тянуться. Не забирать. Учится быть невидимой для магии - как училась быть невидимой в приюте, когда пряталась от надзирателей в тёмных углах. Учится быть тихой - как училась быть тихой, когда слышала чужие шаги за дверью. Но дар не умолкает. Ждёт. Готов. Хочет выйти наружу, показать себя, использовать свою силу. И она не знает, сколько ещё сможет сдержи-

вать его.

Иногда, по ночам, когда комната погружается в полную темноту и остаётся только шум моря за окном, она чувствует, как дар пульсирует внутри - ровно, спокойно, терпеливо. Как зверь, запертый в клетке, который ждёт, когда дверь откроют. Он не требует - он просто ждёт. И это ожидание страшнее любого требования. Потому что требование можно игнорировать. А ожидание - оно бесконечно. Оно будет длиться столько, сколько потребуется. И однажды она не выдержит. Однажды она откроет эту клетку. И тогда всё изменится.

Решение приходит неожиданно, как озарение, как ответ на вопрос, который она даже не успела задать. Надо попробовать. Понять. Узнать пределы своей силы.

Лира не знает, зачем она это делает. Просто чувствует: должна попробовать. Ей нужно понять, на что способен её дар. Узнать, где заканчивается контроль и начинается хаос. Любопытство это нездоровое, опасное - как зуд, который нельзя почесать, как голод, который нельзя утолить, как жажда, которую не утоляет вода. Знает: это неправильно. Опасно. Может привести к чему-то ужасному, к тому, что уже случилось однажды в подвале, когда она коснулась мёртвого тела и почувствовала, как чужая жизнь вливается в неё. Но остановиться не может. Должна знать. Должна понять. Должна проверить, кто она на самом деле.

Подвал встречает её сырым холодом и привычным запа-

хом плесени. Узкая лестница - каждый шаг отдаётся эхом в тишине, как предупреждение, как приглашение, как напомирование о том, что здесь не место для живых. Воздух становится тяжелее, влажнее, будто сам камень дышит, выдыхая вековую сырость. Запах старого камня смешивается с чем-то ещё - она не может определить, что это, но он заставляет сердце биться быстрее, а кожу покрываться мурашками.

В тёмном углу, за старыми ящиками, покрытыми толстым слоем пыли, - мышка. Маленькая, серая, с блестящими чёрными глазами, смотрящими на неё с любопытством и страхом. Она дрожит, когда Лира приближается - маленькое тело сотрясается от страха, который она не может объяснить. И этот страх проникает в сознание. Как запах крови. Как звук шагов в темноте. Как холод, просачивающийся под кожу. Чувствует его - как чувствует магию, как чувствует тепло и холод, как чувствует чужое дыхание на своей шее. Чувствует: мышка знает. Знает, что она опасна. Несёт смерть. Что она - нечто, что не должно существовать, нечто, что нарушает естественный порядок вещей.

Мышка пытается убежать, но не может. Ноги приросли к месту - её ноги, маленькие, дрожащие, будто приклеенные к холодному камню. Глаза расширены, дыхание стало быстрым и прерывистым, и в этом дыхании - знание. Мышка знает, что будет дальше. Ждёт. Как ждали те дети в подвале, когда учителя приходили за ними. Как ждала она сама, когда сидела в шкафу и слушала шаги. Ждёт. Потому что у неё нет

выбора.

Ли́ра протягивает палец и касается мышки.

Дар просыпается - мгновенно, без предупреждения, как зверь, почуявший запах крови. Тёплый, живой, голодный. Течёт по руке, по пальцам, через кончик пальца в маленькое тело. Входит в мышку, касается её жизни, забирает её. Не больно - для мышки это просто конец. Мгновение удивления, вспышка страха, и всё. Для Лиры - это понимание. Жизнь мышки перетекает в неё - тёплая, пульсирующая, живая. Как вода, впитывающаяся в сухую губку. Как свет, входящий в тёмную комнату. Она становится сильнее. Пустота внутри заполняется, сжимается, становится меньше. Дар растёт, становится больше, хочет ещё.

Мышка замирает. Глаза становятся пустыми - смотрят в никуда, будто видят что-то за пределами этого мира, что-то, куда она не может последовать. Тело становится неподвижным. Кожа становится серой - той же серой, что была у матери, когда та умирала у неё на руках. Той же серой, что была у детей в подвале. Той же серой, что будет у всех, кто уйдёт. Она мертва. Маленькое тело застывает, как статуя, как камень, как что-то, что никогда не было живым. Лежит на холодном полу, глаза всё ещё смотрят в никуда, и в них нет ничего - ни страха, ни боли, ни жизни. Только пустота. Такая же пустота, которая была у неё когда-то. Которая теперь заполняется.

Рука отдёргивается, будто обожжённая. Взгляд на малень-

кое тело - и внутри поднимается что-то тёплое. Сила. Она входит в неё, заполняет, становится частью её. Пустота внутри становится меньше - будто часть души, бывшая пустой, теперь заполнена. Как будто она пила из чужого колодца и утолила жажду, о которой даже не подозревала. Но вместе с силой приходит что-то ещё. Тяжесть. Знание. Она сжимает кулаки, приказывает силе уйти, но та не слушается. Она уже стала частью её.

Она не хотела убивать мышку. Не хотела забирать её жизнь. Просто хотела понять. Проверить. Знать. Но теперь она знает. И знание это - тяжёлое, холодное, невыносимое. Стоит в подвале, глядя на мёртвую мышку, и чувствует, как внутри что-то меняется. Не страх. Не отвращение. Понимание. Её дар не просто сила. Это голод. Он хочет забирать. Расти. Стать больше. Он никогда не будет насыщен. И она не знает, сможет ли остановить его. Сможет ли вообще захотеть остановить.

Руки - маленькие, детские, с тонкими пальцами - дрожат. Руки, которые могут убивать. Которые уже убили - мышку, цветок, девочку в подвале, даже если она не хотела этого. Которые забирают чужую жизнь, будто это самое естественное в мире. Она смотрит на них и не узнаёт их. Они принадлежат ей, но они чужие. Как чужими стали стены этой комнаты, когда она узнала правду. Как чужим стало её отражение в стекле. Как чужим стал весь этот белый рай.

Она не знает, дрожат ли её руки от холода или от страха.

Не знает, от чего. Просто знает: она - чудовище. Нечто, что не должно существовать. Ошибка природы, которую нужно исправить. Но она не исправит себя. Она будет жить. Будет бороться. Будет использовать эту силу, даже если она проклята. Потому что если она не будет использовать её, они используют её против неё. И тогда она станет не просто чудовищем. Она станет их оружием. Их инструментом. Их жертвой. А она не хочет быть жертвой. Она уже была жертвой. Больше никогда.

Следующая попытка - в саду, за беседкой, где никто не ходит.

Белая роза. Нежная, с бархатными лепестками, пахнущими мёдом и утром. Растёт в одиночестве - будто ждала, когда кто-то придёт и коснётся её. Выглядит совершенной, живой, настоящей. Лепестки сияют на солнце, будто сделаны из света - полупрозрачные, тонкие, почти невесомые. Аромат наполняет воздух - сладкий, чистый, как дыхание ребёнка, как обещание, которого не будет.

Лира смотрит на неё, и внутри поднимается что-то - не любопытство, а необходимость. Должна знать. Должна понять. Должна проверить, способна ли остановиться. Контролировать свой дар. Быть чем-то большим, чем просто убийца. Она протягивает руку, и на мгновение ей кажется, что она чувствует, как роза смотрит на неё - как смотрела мышка перед смертью. Знает. Ждёт.

Палец касается лепестка.

Она пытается сдержать дар. Приказать ему остаться внутри. Думать о чём-то другом - добром, светлом, чистом. О матери, о её улыбке, о тёплых руках, пахнущих хлебом и рекой. О море, о солнце, о ветре, о том, как они с матерью сидели на крыльце и смотрели на закат. О том, что она не хочет быть чудовищем. Но дар не слушается. Он сильнее её воли. Он хочет забирать. Он всегда хочет забирать.

Цветок вянет на глазах. Лепестки становятся коричневыми, скручиваются, опадают на землю - медленно, как слёзы, как прощание, как последний вздох. Стебель становится сухим и ломким, как старая ветка, не видевшая воды много лет. Бутон, ещё не раскрывшийся, сжимается, темнеет, умирает, так и не увидев солнца. Цветок умирает за секунды - будто его жизнь была сном, закончившимся, когда она коснулась его. Как будто он никогда не был настоящим.

И жизнь перетекает в неё. Маленькая, хрупкая, но живая. Пустота внутри становится ещё меньше, заполняется этим цветком, его жизнью, его смертью. Она чувствует, как внутри неё прорастает что-то - не растение, не сила, а знание. Она может убивать без ритуала. Ей не нужно касаться кожи, не нужно ничего, кроме желания. Только желание - и всё. Она - аномалия. Ошибка природы. Нечто, что не должно существовать. Но она существует. Она здесь. И она сделает с этим всё, что захочет.

Руки кажутся чужими - будто принадлежат кому-то другому, будто она смотрит на них со стороны. Маленькие, дет-

ские, с тонкими пальцами. Руки, которые могут убивать. Которые уже убили - мышку, цветок, девочку в подвале. Которые забирают чужую жизнь, будто это самое естественное в мире. Кулаки сжимаются, и внутри пульсирует дар - тёплый, живой, голодный. Она не знает, сможет ли контролировать его. Сможет ли остановить. Когда он выйдет из-под контроля. Сколько ещё сможет сопротивляться его зову.

Она опускается на колени рядом с мёртвым цветком, смотрит на его увядшие лепестки, на сухой стебель, на землю, которая уже начала впитывать то, что осталось от его жизни. Думает: этот цветок - как она. Тоже был живым. Рос, тянулся к солнцу, надеялся на лучшее. И она убила его. Просто потому что хотела знать. Понять. Проверить. Она - не просто чудовище. Она - нечто худшее. Тот, кто выбирает быть чудовищем. Могла остановиться. Могла уйти. Могла забыть о том, что видела. Но не ушла. Осталась. Коснулась. И убила.

Но если она сможет контролировать это - если она сможет использовать этот дар, не становясь тем, кого она ненавидит, - тогда, возможно, она сможет выжить. Тогда, возможно, она сможет быть чем-то большим. Тогда, возможно, она сможет быть собой. А не тем, кем её хотят сделать.

Она решает скрывать это ото всех.

Даже от Маркуса. Особенно от Маркуса. Не знает, что он сделает, если узнает. Сможет ли защитить её - или сам станет угрозой. Не хочет проверять. Не хочет рисковать. Помнит

его слова: «Никому не доверяй. Даже мне». Запомнила их навсегда - они врезались в память, как лезвие в дерево. Следует им, как следуют карте, которая ведёт через минное поле. Знает: в этом мире доверие - роскошь, которую нельзя себе позволить. Доверие - слабость, которую используют против тебя. Доверие - путь к смерти. Научилась не доверять. Научилась быть одна. Полагаться только на себя. И не нарушит этого правила - даже ради него. Особенно ради него.

Дар прячется глубоко внутри - как секрет, который может убить, как бомба замедленного действия, как зверь, затаившийся в тени. Учится не чувствовать магию других - закрывается от неё, как закрывают дверь перед бурей. Учится не тянуться к ней - сжимает кулаки, когда внутри просыпается голод. Учится быть пустой - пустой внутри, как те белые стены, что окружают её со всех сторон. Старается не замечать тёплые волны, касающиеся кожи, когда кто-то проходит мимо. Не слышать пульс чужой магии, бьющийся внутри неё, как ещё одно сердце. Не чувствовать голод, растущий с каждым днём, с каждым часом, с каждой минутой.

Закрывается в себе. Строит стены - камень за камнем, слово за словом, молчание за молчанием. Прячется в собственной тени - там, где её не найдут, где её не увидят, где она может просто быть, не боясь, что кто-то заметит, что она изменилась. Старается стать невидимой - для других, для себя, для своей силы. Притворяется, что ничего не изменилось. Что она такая же, как все. Что она - просто ещё од-

на девочка в белой комнате, ждущая, когда её выпустят. Но притворство - всего лишь притворство. Она знает правду. И правда не уходит.

Но он не уходит. Дар - он всегда здесь. Ждёт. Готов. Чувствует её страх, слабость, отчаяние. Знает: она не может скрыться от себя самой. Она - часть его. Он - часть её. Не сможет сдерживать его вечно. И ждёт. Когда она сломается. Когда позволит ему выйти. Когда примет то, кем стала. А она пока не готова. Но она знает - это случится. Может быть, завтра. Может быть, через месяц. Но это случится. И тогда всё изменится.

Она не знает, что её дар уже заметили. Что учителя перешёптываются о девочке, которая делает всех слабее, когда прикасается к ним - даже когда просто проходит мимо, даже когда дышит одним воздухом с ними. Что они чувствуют потерю сил, когда она находится рядом, когда её присутствие заполняет комнату, как холодный туман. Что обсуждают её за закрытыми дверями, записывают имя в списки, отмечают как «потенциально опасную». Не знает, что уже начали готовить её к тому, что ждёт впереди. Что её имя уже стоит в списке тех, кто «созрел». Что время почти пришло. Что она уже не просто ученица. Что она - цель. Что хотят использовать её силу, чтобы сделать что-то, что изменит всё. Что она - ключ к чему-то, что искали много лет.

Она просто сидит в своей комнате. Смотрит в окно. Ждёт. Не знает, чего именно. Но чувствует: что-то приближается.

Тёмное и неизбежное - как ночь, как зима, как смерть. Чувствует это в крови, в костях, в душе. Знает: это будет скоро. Будет больно. Изменит её навсегда. И когда это случится - она будет готова. Или не будет. Но выбора у неё нет.

Кулаки сжимаются - и срывается шёпот, почти беззвучный, почти невесомый:

«Я не боюсь. Я не боюсь. Я не боюсь».

Но она боится. Себя. Того, что может сделать. Того, кем может стать. Боится, что однажды проснётся и не узнает себя. Проснётся и увидит, что стала тем, кого ненавидит. Проснётся и поймёт, что она - уже не она. Что та девочка, которой она была, умерла - и на её месте осталась только пустота, только дар, только голод. Боится, что когда это случится - когда потеряет себя, - никто не придёт, чтобы спасти её. Никто не протянет руку. Никто не скажет: «Остановись. Ты ещё можешь вернуться».

Но знает и другое: она не может сдаться. Не может позволить страху управлять ею. Должна быть сильной. Бороться. Выжить. Повторяет эти слова снова и снова - как молитву, как заклинание, как обещание, которое нельзя нарушить: «Я выживу. Я выживу. Я выживу». Говорит их, потому что если перестанет - может поверить, что это неправда. А она не может позволить себе верить в неправду. Должна верить в себя. И она верит. Верит, что сможет. Верит, что выживет. Верит, что победит.

И пока она верит - она жива. А пока жива - она будет бо-

роться. Даже когда всё против неё. Даже когда дар внутри неё пульсирует и требует выхода. Даже когда страх сжимает горло и не даёт дышать. Она будет бороться. Потому что это - единственное, что она умеет делать. Единственное, что осталось. Единственное, что имеет смысл.

ГЛАВА 3: Кай

Утро приходит с золотом.

Солнце заливает комнату тёплым, густым светом, просачивающимся сквозь белые занавески. На полу - длинные полосы, похожие на реки расплавленного янтаря, на застывшее время, на следы, которые оставляют мечты, когда уходят. Птицы за окном поют - голоса звонкие, чистые, как обещание нового дня, как напоминание о том, что мир продолжает дышать, даже когда внутри всё замерло, даже когда сердце перестало биться в такт с жизнью. Где-то внизу, в саду смеются дети. Смех разносится по воздуху - как музыка, как колокольчики, как эхо чего-то далёкого и почти забытого. Он проникает сквозь стены, сквозь стекло, сквозь закрытые веки, напоминая о том, что за пределами этой комнаты есть жизнь. Настоящая жизнь. Та, в которой дети смеются, не думая о завтрашнем дне. Та, в которой они не знают, что такое страх. Та, в которой они не ждут смерти.

Лира сидит на кровати, скрестив ноги, и смотрит в стену. Белую. Чистую. Пустую. Смотрит так долго, что белизна начинает расплываться перед глазами, превращаясь в серое ма-

рево, в туман, в ничто. Просто ждёт. Не знает, чего именно. Ждёт, когда что-то случится. Когда что-то изменится. Когда наконец сможет выйти из этой клетки. Ждёт так долго, что ожидание стало частью её - как дыхание, как сердцебиение, как сама жизнь. Потому что ждать - это всё, что осталось.

Прошёл год.

Год с того дня, когда дар впервые проявил себя по-настоящему. Год с тех пор, как она убила мышку в подвале и поняла, что она - чудовище. Год с тех пор, как коснулась цветка и увидела, как он умирает у неё на глазах. Год, прожитый в страхе - перед собой, перед своей силой, перед тем, что она может сделать. Год, прожитый в ожидании - конца, свободы, перемен. Но ничего не изменилось. Белые стены, золотой свет, тихие коридоры. Улыбки служанок, которые ничего не значат. Голоса учителей, перешёптывающихся за дверью.

Она стала старше на год, но чувствует себя на тысячу лет старше. Время тянется - как резина, как патока, как что-то вязкое и медленное, что не даёт двигаться вперёд. Душа стареет, покрывается трещинами, рассыпается на части. Дни перестали считаться. Недели, месяцы - всё смешалось в одно серое пятно. Просто существование - как тень, как призрак, как та, кого нет. Научилась не смотреть в глаза другим детям. Не запоминать их имена. Не привязываться. Потому что каждый, кого она знает, однажды исчезает. Каждый, кого она любит, однажды умирает. Научилась не любить. Не чувствовать. Быть пустой - пустой внутри, как комната, в кото-

рой живёт, как стены, которые окружают, как жизнь, которая течёт мимо.

Взгляд на руки. Они дрожат - мелкая, почти незаметная дрожь, не уходящая никогда. Кулаки сжимаются, и внутри отзывается дар - тёплый, живой, голодный. За этот год он стал ещё сильнее. Настойчивее. Требовательнее. Просыпается каждую ночь, когда пытается уснуть, и шепчет о том, что хочет, что ему нужно, что он не может ждать вечно. Течёт по венам, питается страхом, растёт с каждым днём. Ждёт. Готов. Не знает, что он сделает, когда она перестанет контролировать его. Сможет ли остановить, когда выйдет наружу. Кто она теперь - человек или чудовище. Есть ли у неё выбор. Сможет ли быть чем-то большим, чем просто оружием. Знает только одно - сдаваться нельзя. Надо бороться. Надо выжить.

И вдруг - шаги в коридоре. Тяжёлые, уверенные. Не похожие на шаги детей - те всегда лёгкие, быстрые, беззаботные, как полёт птиц, как падение листьев. Эти шаги - как у взрослых, у тех, кто знает, куда идёт и зачем. Приближаются к комнате, где всегда сидит Кай. Дверь открывается - тихо, аккуратно, будто не хотят будить его, будто хотят сделать это незаметно. Голоса учителей - мягкие, вкрадчивые, как шёлк, как мёд, как яд. Слова: «созрел», «готов», «время пришло». Эти слова - как нож. Режут сердце, оставляя глубокие раны, которые никогда не заживут. Лира слышит их, и внутри поднимается что-то - холодное, тёмное, беспощад-

ное. Дыхание задерживается. Тело замирает. Просто слушает, как они забирают Кая. Как его жизнь заканчивается. Как мир продолжает существовать, даже когда внутри неё умирает что-то важное.

Кай был мальчиком, который всегда рисовал в блокноте. Старше Лиры на два года - ему уже одиннадцать. Тихий - настолько тихий, что его почти не замечали. Никогда никому не мешал. Не бегал по коридорам, не кричал на переменах, не спорил с учителями. Просто сидел в своём углу, прижавшись к стене, будто хотел слиться с ней, стать невидимым, исчезнуть. И рисовал. Цветы. Солнце. Детей. Дома. Море. Всё то, чего не было здесь. Его рисунки были единственным цветом в этом сером мире. Единственным напоминанием о том, что красота существует, даже когда её никто не видит. Они были его дневником, его молитвой, его способом не сойти с ума.

Лира смотрела на них иногда. Когда никто не видел, подходила и смотрела через плечо. Страшно было подойти ближе - боязно нарушить его покой, его тишину, его мир. Но не могла удержаться. Смотрела, как его рука двигается по бумаге - легко, плавно, почти невесомо, будто он танцует, будто летает, будто находится где-то далеко-далеко, в мире, где нет боли. Смотрела, как рождаются его рисунки - из ничего, из пустоты, из тишины. Смотрела - и становилось чуть теплее. Чуть легче. Чуть менее одиноко. Кай не прогонял её. Не говорил ни слова. Просто продолжал рисовать, будто её не

существовало. Но она видела - его рука двигалась быстрее, когда она стояла рядом. Будто он знал, что она здесь. Будто чувствовал её присутствие. Будто хотел показать ей что-то важное, что-то, что не мог выразить словами. Пальцы сжимали карандаш сильнее, линии становились чёткими и уверенными - будто он рисовал для неё. Будто хотел сказать: «Я здесь. Я вижу тебя. Я знаю, что ты тоже одна». Они никогда не говорили друг с другом. Просто сидели рядом - она в нескольких шагах, он в своём углу - и молчали. Это было их молчание. Их общий язык. Язык, не нуждавшийся в словах. Язык, понятнее любых фраз. Они знали друг друга - не имена, не истории, не прошлое. Знали главное - оба были одни. Оба ждали. Оба знали, что их время однажды придёт. Она не знала его имени до того дня, когда учителя произнесли его вслух, когда пришли за ним, и она поняла - его время пришло. Не знала, что он тоже чувствует приближение конца. Но знала - он такой же, как она. Тоже один. Тоже ждёт. Тоже боится - даже если никогда не показывает этого. Его рисунки. На них всегда был свет. Всегда солнце. Всегда улыбки. Думала, он рисует то, чего хочет, о чём мечтает, что надеется найти за пределами этих стен. Теперь понимает - он рисовал то, что терял. Каждый рисунок - прощание. Он знал, что однажды его не станет. Рисовал мир, который никогда не увидит. Жизнь, которую никогда не проживёт. Надежду, которую никогда не обретёт. Смотрела на его рисунки - и хотелось плакать. Но не плакала. Уже не умела. Слезы ушли

вместе с надеждой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.